

Лана Барсукова

«Проза Ланы Барсуковой легко читаема, искренна и иронична. Она будет определенно близка и интересна читателю».

Мария Метлицкая

Счастливые
неудачники

Лана Барсукова

Счастливые неудачники

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43257261
Счастливые неудачники: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-103026-1

Аннотация

В одном обыкновенном городе живут самые обычные люди. Они не нажили богатства, не сделали карьеру и не совершили ничего героического. Но не торопитесь относить их к неудачникам. У каждого из них были взлеты и падения, они захлебывались от счастья и едва дышали от боли. Они борются за счастье, за любовь, за порядочность. И они побеждают. «Счастливые неудачники» – книга про нас с вами.

Содержание

Вместо предисловия	5
Модная штучка	7
Дочь горниста	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Лана Барсукова

Счастливые неудачники

© Барсукова С., 2019

© Анжела Джерих, иллюстрации, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Вместо предисловия

Подвал был самый обыкновенный. Примечательной оказалась только табличка на входе. Яркое пятно на облезлой стене. Пузатые голубые буквы на фоне канареечного цвета. Как титры к мультфильму. «Детский клуб».

Лестницу клуба шлифовали детские ботиночки, за которыми едва поспевали растоптанные сапоги старшего, уставшего поколения. Картина была ежедневной, привычной и понятной.

Волны радости омывали этот подвал. Дети и родители шли туда за свободой друг от друга. Одни вырывались из педагогических тисков, куда их загнали папы и мамы, начитавшиеся умных книжек. Другие мечтали отправить ребенка на свидание с прекрасным и получить передышку от его вопросов, капризов, призывов поиграть и предложений пошалить. Словом, спуск в подвал означал восхождение в лучший из миров.

И мало кто задумывался о судьбах тех, кто вдохнул в этот подвал жизнь. Руководители кружков были частью этих стен, низкого потолка и малогабаритных окон. Они росли в эти комнатки, наполнив их своей энергией, как растение заполняет горшок корнями. Живые привидения, готовые работать за смешную зарплату и микроскопический престиж.

У них часто спрашивали о способностях детей, но никогда

не интересовались их судьбами. Стеснялись. Считали неделикатным. Как будто своими расспросами принудят рассказать о жизненном фиаско. Не от хорошей жизни взрослые люди целыми днями общаются с детьми. Ладно бы со своими. Так ведь с чужими. К такому берегу может прибиться только потерпевшее крушение судно.

Всего их было пятеро. Не судно, а целая флотилия. Знакомьтесь:

Ирочка – веселая и немного странная одинокая оптимистка, учит детей рисовать;

Маруся Ивановна – ни дня без пластилина;

Сан Саныч – баянист с покалеченной рукой и судьбой;

Изольда – изумительная женщина, выжигающая по дереву;

Петрович – застрявший в прошлом веке фотограф.

Вот такая непрезентабельная компания. И у каждого своя история, своя тропинка, по которой он пришел в этот детский клуб. Разные судьбы, пересекающиеся во времени и пространстве. Истории этих людей совсем непохожие, ведь одинаковых судеб не бывает. Но у наших героев много общего: они все хотят счастья, любви и все живут в одной стране, с которой так непросто ужиться.

Это роман в пяти новеллах. Единое полотно из нескольких фрагментов. Как будто сшитое из лоскутов одеяло. Каждый лоскутик проживает целую жизнь, прежде чем станет малюсенькой заплаткой на полотне вечности.

Модная штучка

– Зашибись! Не успела зарегаться, как полным-полно заманок, – возбужденно комментировала Ирочка поиск работы с помощью интернета.

В переводе на обычный язык это означало «не успела зарегистрироваться, как пришло много предложений». Но Ирочка предпочитала более современную, как ей казалось, речевую форму. Ей доставляло удовольствие выворачивать слова, обрезать их, наращивать в самых непредсказуемых местах, отчего речь становилась «фирменной», только ей присущей. Делала она это не для «прикола» и не для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Ирочке было глубоко наплевать на то, как она смотрится со стороны. Просто ее душа просила нестандартных форм выражения.

Круг ее знакомых имел многолетний стаж, а время делает дружбу покладистой и терпимой. Старые друзья ее любили, хоть и с нотками снисхождения к ее странностям. Ласково называли Ирочкой, то ли в память об Эллочке-людоедочке, то ли умиляясь ее самобытностью.

Новые же знакомые сначала удивленно округляли глаза, но постепенно привыкали к ее пунктирной речи и размашистым манерам. И, посмеиваясь над ее странностями, становились членами Ирочкиной компании, объединенными чувством превосходства над забавной подругой, паразитируя

на ее неумном, каком-то перевозданном оптимизме. Даже о проблемах Ирочка рассказывала так, что получалось вкусно и жизнеутверждающе:

– Прикинь, шеф обворовался, а меня уволякали. Полфирмы в расходняк пустили. Не фирма, а штрафбат какой-то. Очуметь можно. Я прямо наревелась до одури. А потом подумала, и фиг с ним. Шеф-то наш уже позеленел от своих миллионов. А мне зеленый цвет не идет, лучше буду розовой безработной.

Ну кто еще мог так жизнерадостно рассказывать о вступлении в ряды безработных? Только она. И в свете таких историй у любого слушателя возникало чувство, что его проблемы не такие уж и проблемные.

Личная жизнь Ирочки была такой неказистой, что дружба подруг успешно выдерживала испытание завистью. У кого-то муж пил, у кого-то гулял, у кого-то занудствовал, а у Ирочки мужа не было вовсе. Никогда. Ни по данным ЗАГСа, ни по сведениям бдительных соседок. Так, залетные ухажеры, не оставлявшие ей ни квадратных метров, ни банковских счетов, ни внебрачных детей. На этом фоне любая подруга чувствовала себя в выигрыше, что повышало градус любви к Ирочке. Бездетная, одинокая, небогатая оптимистка – воплощение идеала женской дружбы. А друзья-мужчины, бравируя знанием мужской психологии и в знак глубочайшей симпатии, предупреждали Ирочку: «Торопись, после сорока ты нахрен никому не будешь нужна». А как торопиться? Что

делать, если не складывается?

Но вдруг, в один заурядный день, жизнь тихо сползла на новые рельсы и покатила, набирая скорость. Вообще-то скорость растет, если поезд катится под откос. А тут жизнь пошла в гору, набирая ускорение против всех законов физики.

Все началось весьма прозаично. «Зарегавшись» на сайте вакансий, Ирочка получила «заманку» от фирмы по производству гипсовых «фигулин для красотулин», то есть фигур для декорирования дачных участков. Эти гипсовые гномы и зайцы были довольно пошлыми, и народ их сторонился. Глядя на них, редкий остряк не декламировал фразу из советской комедии: «Налетай! Торопись! Покупай живопись!». Фирма почему-то решила, что все дело в нерадивости сотрудников, недостаточно активно втюхивающих товар населению. В результате часть работников уволили и начали набирать новых. Ну действительно, нельзя же уволить гномов и зайцев, значит, надо что-то делать с кадрами. Ведь кадры решают все. Кажется, это говорил Сталин. Но он не видел этих гномов.

Вот в такую фирму и пришла Ирочка. Менеджер, проводивший собеседование, постоянно говорил «давайте». «Давайте познакомимся...», «давайте представим ситуацию...», «давайте проанализируем.» Ирочка, уставшая от такого словесного однообразия, претившего ее натуре, не выдержала: «Если вечно всем давать, обломается кровать». И озорно улыбнулась. Просто так, для поднятия настроения, чтоб

нескучно было. Мужик слегка ошалел, покраснел и экстренно закончил собеседование, обойдясь без традиционного «мы вам позвоним». Ирочка поняла, что вакансия прошла мимо нее, но не сильно огорчилась. Гипсовые гномики, зайчики и ангелочки показались ей слишком жеманными, с ними не хотелось иметь никаких общих дел. Особенно странными были гипсовые купидоны. Ирочка тут же представила, как эти малолетние толстячки с кривой улыбкой целятся в поднятый зад дачника, согнувшегося над грядками.

Собеседование закончилось ничем. Так думала Ирочка. И ошибалась. Через несколько дней неизвестный номер высветился на экране ее мобильного телефона. «А давайте куда-нибудь сходим» – по фигуре речи она узнала представителя гипсовых купидонов. «Давайте», – просто ответила Ирочка. Шутить почему-то не хотелось. Тем более что она помнила: перед ее шутками он пасует.

Но хоть купидоны были и гипсовые, стрелы у них оказались самые настоящие. Спустя несколько месяцев Ирочка услышала: «А давай поженимся». Вместо ответа она кивнула. А что тут скажешь? Приближался сорокалетний рубеж, нужно было торопиться.

* * *

Аркадий, ее муж, торговавший гипсовыми фигурами для ландшафтного дизайна, а попросту для украшения дач-

ных делянок, очень скоро потерял работу. На своем горьком опыте он выяснил, что традиционные шесть соток не вмещают больше одного гипсового гномика. А угождая богатых клиентов брезгуют этими плебеями, предпочитая мраморные пародии на творения Родена. Благо французский скульптор заблаговременно умер, поэтому в суд подать не мог.

При увольнении в качестве утешительного приза, точнее, вместо зарплаты за последний месяц Аркадию выдали армию гипсовых фигурок – гномов с фонарями, зайчиков с ушами, ангелов с крыльями и домовых с ухмылкой. Были еще грешницы с кувшинами на гипсовых плечах. Почти как девушки с веслами, только хуже. «Гипсорята», как Ирочка их назвала, заняли все свободные метры их квартиры. Теперь можно было передвигаться только бочком, на манер краба, рискуя оцарапаться о торчащие из всех щелей гипсовые члены. Аркадий стеснялся этой армии, словно он навел на дом гипсовую чуму. Друзья искренне соболезновали, но никто не приобрел ни одного, даже самого маленького гнома. И только Ирочка резвилась от души, найдя в этих гипсовых джунглях достойный полигон для своего неумемного оптимизма. «Надо наших сожителей подшармить», – сказала она и начала обихаживать несчастных «гипсорят».

Свеклой, недорезанной в винегрет, она покрасила щеки дачному гному, приклеила пуговицы на воображаемую ширинку, нарисовала тушью татушку и внесла еще с десятков радикальных усовершенствований, включая полосатую ша-

почку с помпоном поверх гипсового темечка. Ее оптимизм выплеснулся на голову ни в чем не повинного благообразного гнома. Получился гном-гопник, хулиганистый и залихватский. Его фотка ушла в социальные сети. А оттуда в ответ – волна остроумных комментариев, провокационных советов и фривольных рекомендаций. Гном пошел гулять по сети, ловко перепрыгивая с сайта на сайт.

Но путешествие по Всемирной паутине было недолгим. Его пожелал купить какой-то отчаянный любитель оригинальности. Судя по сумме, которая была предложена, он не просто «пожелал», а «возжелал» этого гнома. Только страсть делает человека безумным.

Ирочка и Аркадий к приезду покупателя убрали подальше ножи и вилки, ожидая увидеть сумасшествие в острой форме. Только чокнутый, по их мнению, мог предложить за гнома-гопника такие деньги. В нетерпении выглядывали в окно, делая ставки: на самокате или на роликах появится этот странный человек? В зеленый или красный будут покрашены его волосы?

Но к подъезду подъехал дорогой автомобиль цвета мокрого асфальта, из которого появился мужчина, словно сошедший с рекламы солидного стиля. Даже с высоты второго этажа, откуда выглядывали молодожены, было видно качество его ботинок. То самое качество, которое в рекламах приписывают исключительно «настоящим мужчинам». Волнение, исходящее от него, касалось лишь одного – что он не успе-

ет приобрести этого заветного гнома, что перекупят конкуренты. Аркадий оценил машину и ботинки и, будучи опытным менеджером по продажам, понял, что Ирочкин гопник попал в премиум-класс. Обрадованный супруг быстро смекнул, что за скромные деньги серийные гномы никому не нужны, даже если бесплатно в придачу к ним давать гипсовых русалок. Но как «авторская работа» пойдут за большие деньги. Да что там гномы! Есть же еще девы с кувшинами, зайцы и прочая зоология и фольклор!

И пошло-поехало. «Гипсорята» разлетались, как пирожки на вокзальной площади, еще тепленькие. Ирочка озорно и весело пускала в ход крупу, перья, капала воском, поливала расплавленным сургучом, обсыпала конфетти и обклеивала бутылочными крышками. Она неожиданно для себя поняла, что у настроения есть цвет, форма, объем и даже запах. И упивалась своим открытием. Это было ни с чем не сравнимое чувство, волнующее и сладкое, похожее на душевное землетрясение, когда толчки творческой энергии подбрасывали ее среди ночи и заставляли, дрожа от нетерпения, превращать ничто в нечто. Бесцветные гипсовые фигурки становились персонажами со своими характерами и даже с личной жизнью, которая угадывалась в деталях. Вот призрачный заяц, явно прошедший зону. А вот постаревшая русалка, всю жизнь безуспешно охотившаяся за Садко.

Ирочка ловила свое настроение за хвост и прищипливали его к гипсовым фигуркам, как будто оставляла себе

на память. Единственное, что ее удивляло, как ее настроение может быть кому-то интересно. Денежный эквивалент чужого интереса был ей неизвестен. Этим занимался муж. Она не вникала в финансовую сторону вопроса. Зачем? Это же так скучно вести учет доходов и расходов. На свете для Ирочки самыми кошмарными словами были «бухгалтерия» и «стоматология». Гораздо веселее и интереснее размышлять о том, как утешить русалочку с помощью парика из серпантина. И потом, о деньгах думают, когда их нет. А у них с Аркашей с этим все было в порядке. На жизнь ей хватало. И даже на очень приятную жизнь – с мужем, с весельем, с творчеством. А что еще надо?

К этому времени Аркадий создал небольшую фирмочку и самолично ваял для Ирочки гипсовые заготовки, разбавив традиционных гномов и девиц новыми персонажами. Политических деятелей они не трогали, на это было табу. Но вовсе не из-за любви или уважения к рулевым нашего огромного нефтяного корабля. Просто Аркадий решил не уподоблять их с Ирочкой изделия арбатским матрешкам, по которым можно было изучать историю страны. Арбат – это другой ценник, другая рыночная ниша, для туристического плебса, а Аркаша работал на премиум. Было сказано решительное «нет» всему, что хоть отдаленно напоминало изделия, выставляемые в киосках. Только эксклюзив. Только буйство фантазии самобытной Ирочки. Ну кому еще в голову придет собирать рыбную чешую, ходя с протянутой рукой по сосе-

дям, чтобы потом обвалить в этом водяного с ластой на голове? А чего стоил ее ежик, гордо несущий на спине сухофрукты? Ирочкины «гипсорята» получались стильно-чумовые, отвязно-эпатажные.

Довольно быстро Аркаша понял, что для поднятия ценника еще выше нужна красивая история о рождении нового стиля. Нельзя, чтобы люди узнали про зарплату, выплаченную гномами. Про случайность первой продажи. И про чувство легкого обалдения от первого гонорара, на который они гуляли целую неделю, регулярно выпивая за здоровье «лоха» в дорогом авто. Все эти подробности нужно предать анафеме, ни в коем случае не проговориться о них, лучше стереть даже из собственной памяти.

Необходима звонкая история про долгие годы творческого томления, страха выйти за рамки дозволенного, про накопившийся протест против условностей, сковывающих художника цепями самоцензуры. Хорошо бы запустить байку про то, как Ирочку выгнали из художественной школы за буйство фантазии и бескомпромиссную оригинальность. Дескать, она с детства была бунтаркой, видела жизнь иначе, чем остальные дети. Не могла рисовать и лепить, как все. И сколько она натерпелась от репрессивной системы отечественного образования, безуспешно пытающегося загнать ее в стандартные рамки, привести к общему знаменателю. Обязательно нужны яркие картинки. Например, как потом поседевшая учительница из той самой художки, гно-

бывшая Ирочку-ученицу, со временем осознала свое невежество и ограниченность и встала на колени перед гномом с татушкой. Словом, работы у Аркадия – непочатый край.

Пора выводить Ирочку в публичное пространство, сделать ее участницей ток-шоу, а может, и фотосессию для мужского журнала повернуть. Чтобы в газетах мелькало ее мнение о положении в Сирии, о кремлевской диете, об отношении к суррогатному материнству, о присоединении Крыма и реставрации монархии. Словом, ни дня без публичности. Встала, умылась и плюнула в вечность.

Но тут нужно крепко подумать. Возможно, стоит сделать все наоборот. Публичность ведь может «приземлить» образ художницы, быстро надоесть. И потом по поводу того же Крыма мнения различаются, причем кардинально. Станут ли покупать «гипсорят» те, кто придерживается другой точки зрения? И какой другой? Куда лучше встраивать Ирочку – на Первый канал или на «Эхо Москвы»? Нет, это опасный путь. С конъюнктурой можно не угадать.

Не лучше ли избрать имидж затворницы, игнорирующей мир за пределами творческой мастерской? И тогда строить историю загадочной художницы, живущей в уединении и не допускающей к себе журналистов. Которая в ток-шоу не только не участвует, но даже не знает об их существовании. Которая презирает всю масс-культуру и телевизор как ее воплощение.

Аркаша ломал голову над этими вопросами днем и ночью.

Как будет эффективнее? Что создаст больший резонанс вокруг имени Ирочки? Ведь чем эффективнее история Ирочки-художницы, тем эффективнее их бизнес. Чем больше внимания к Ирочкиной персоне, тем больше ценник на ее «гипсо-рты». В результате взвешивания всех «за» и «против» Аркадий решил делать Ирочку публичной персоной, мелькающей на телевизионном экране как можно чаще, однако избегающей острых политических дебатов. Пусть лучше обсуждает, почему от Ольги Бузовой ушел муж, чем почему Крым ушел от Украины. Важно не потерять покупателей самых разных политических ориентаций.

Как менеджер по продажам Аркадий отлично знал, что все узнаваемое легко может стать продаваемым. Известность конвертируется в рубли точно так же, как доллары и евро. Надо быть персоной «на слуху» и «на виду», чтобы отвоевать кусок этого странного рынка, называемого искусством, где нет критериев качества, нет разумного ценообразования, вообще нет здравого смысла, а есть только тщеславие так называемых ценителей искусства и цинизм тех, кто делает на этом деньги. Аркаша презирал искусство и особенно «почитателей» разномастных талантов, но уважал тех, кто сумел серьезно на этом заработать. Ведь надо же было так обставить дело, чтобы заморить Ван Гога голодом, а после смерти художника продавать его картины по рекордным ценам. Гениальная афера! Эти мысли согревали кровь, но прогоняли сон Аркадия.

Он мотался по Москве, как заяц по лесу, не зная ни минуты покоя. Знакомился с журналистами, продюсерами и редакторами, понимая, что без поддержки СМИ не обойтись. Он прикидывал, как и с кем нужно подружиться, чтобы протолкнуть жену в медийное пространство, сделать ее имя узнаваемым. Начал активно интересоваться, сколько стоит мутная статья какого-нибудь искусствоведа про то, как точно Ирочка уловила нерв эпохи, визуализировала свое время. Оказалось, что совсем недорого.

В размышлениях о брендинговании собственной жены Аркадий проводил бессонные ночи. Ирочка же спала, как младенец, то есть путая время суток. У нее установился своеобразный режим дня, грубо попирающий советы врачей о здоровом образе жизни. Ночами она могла обклеивать гипсовую лисичку луковой шелухой, собираемой долгие месяцы в специальный мешочек, а днем спать, даже не задергивая шторы. Но, несмотря на этот чудовищный образ жизни, радостный румянец не сходил с ее лица.

Кстати, про лисичку. С нее началась целая тема. Аркадий сперва встревожился, ведь шелуха не долговечна, выгорает на солнце и раскисает от дождя. Найдется ли покупатель? Потом понял, что в этом есть своя «фишка». Надо только умело позиционировать такой скоропортящийся товар. Превратить уязвимость в главный козырь. Искусство на час – это то, что могут позволить себе только богатые люди. Ведь покупают же букеты, которые живут пару дней. Его бывший

шеф, желая похвастаться, рассказывал, что отдал бешеные деньги за какую-то африканскую розу, которую завезли в их город в единственном экземпляре. Понятное дело, что шефа развели. Но ведь получилось же у кого-то. А он чем хуже? Аркадий стал почитать книги и открыл для себя целый мир.

Выяснилось, что люди давно перестали потреблять вещи как таковые, превратив их в символы своего места в гонке за успех. Красота, получается, вещь относительная. Даже кариесом гордились и выставляли напоказ гнилые зубы, пока сахар был удовольствием богатых. А сейчас хвастаются белыми зубами, потому что хорошая стоматология стоит, как крыло самолета. Роза кажется красивее ромашки потому, что растет в оранжереях и доступна немногим. А ромашка продается задешево, как дурнушка, ведь ее можно косой косить в полях. Люди считают красивым то, что дорого стоит.

Когда-то родовитые барышни берегли лица от загара, и было это задолго до открытия вредного воздействия солнечных лучей. А сейчас, когда ученые собрали на солнце убийственный компромат, «продвинутые» особы загорают в соляриях. С риском для жизни, но загорают. И все это только для того, чтобы отделить себя от «простецов» с более тонким кошельком. Когда-то простых людей выдавал загар, неизбежный спутник работы в поле, под открытым небом, вот и ценилась белизна кожи. Сейчас пролетарии умствен-

ного труда сидят в офисах, приобретая синюшную бледность под кондиционированным воздухом, а хозяева жизни переплывают океаны на яхтах, которые стоят как бюджет среднего российского города. Загар становится эмблемой успеха, доказательством удачно сложившейся жизни. Вот и ходят толпы в солярий, покрывая тело пылью успеха. Дескать, и мы загорелые, со стороны нас можно спутать с хозяевами яхт.

Аркадий прекрасно понимал, что в нынешней России желтая майка лидера выглядит как спортивный автомобиль, шелестящий по гравию охраняемой территории, где за изгородью тщательно подстриженных кустов виднеются башенки собственного дворца. Все, что ему нужно сделать, – вписать в эту гляцевую картинку Ирочкины поделки. Шелест гравия, проплывающий за окном пейзаж и – внимание! – яркое пятно в виде нелепого гнома. И все. Нужно сделать этих «гипсорят» неотъемлемым пазлом, фрагментом «красивой жизни» богатых людей. И тогда ценник отрежет от «гипсорят» простую публику. Обладание ими станет маркером социального успеха, зримым свидетельством того, что жизнь удалась. Сами толстосумы начнут по своей тусовке распространять вирус нового бренда. «Как? Вы не знаете? Вы еще не приобрели? Это новая эстетика! Ничего подобного прежде не было». В том, что у толстосумов нет иммунитета в виде здравого смысла, Аркаша не сомневался. Он твердо знал, что тщеславие – отличная среда для распространения подобных болезней.

Но он, как создатель и распространитель нового вируса, должен работать виртуозно. Продумать все детали, вплоть до одежды и аксессуаров новой звезды. В этом деле мелочей нет. С алюминиевым ведерком вместо сумочки ходить не обязательно, но некий вывих, причуда должны бросаться в глаза. Ирочка не может выглядеть как учительница начальных классов. Впрочем, тут волноваться нечего, с этим проблем не будет, тут жена не подведет.

Еще до свадьбы Аркадия раздражала некоторая несуразность в одежде Ирочки. Нарядится как чучело огородное и стоит, рот до ушей, хоть завязочки пришей. А то, случилось, оденется, ну чистый светофор на ножках – зеленая кофточка и красные колготки из-под желтой юбки. Даже неловко было появляться с ней в общественных местах. Аркадий ее немного стеснялся. Может, поэтому они так быстро перешли на свидания в домашней обстановке, что резко спрямило дорогу в ЗАГС. Он тогда переживал еще: как с ней на корпоратив пойти или на день рождения к шефу? И где теперь этот шеф? В очереди за Ирочкиными «гипсорятами». Да и то, если только Аркаша ему дисконт по старой дружбе предложит.

Аркадий был прирожденный менеджер по продажам. Он быстро понял, что «гипсорята» могут продаваться только вместе с яркой историей о новой экзальтированной художнице. В их семейном бизнесе наметилось четкое разделение труда: Ирочка творила «гипсорят», а Аркаша не покладая

рук творил историю о рождении нового слова в искусстве, брендовал свою жену. Ну, еще по мелочи, вел бухгалтерию, рулил денежными потоками.

Не будучи дураком, Аркаша понимал, что нашел вечную тему. По крайней мере, на его век хватит. Кончатся «гипсоряты», пойдут человечки из желудей, пирамидки из спичечных коробков, лунные пейзажи из бересты, да мало ли что еще можно придумать. Потому что главный объект торговли – сама Ирочка. Тут ведь что подкупает: нигде не училась, а какой мощи талант. Значит, и для понимания такого искусства не надо академий кончать. Дополнительный бонус полноценности тем, у кого есть деньги. Точнее, много денег.

Получается, Аркаша торговал не столько «гипсорятами», сколько женой. Гениальная схема с точки зрения логистического удобства и бесконфликтности. Какие могут быть счеты между своими? Торговля шла бойко. Ему даже удалось пропихнуть Ирочку в телеэфир в самый прайм-тайм, то есть в то время, когда вся страна, затраханная прожитым днем, рассаживается вокруг телевизоров. Правда, ради этого пришлось подарить продюсеру белочку с прилипшей к мордочке лузгой от семечек.

Жена на съемках вела себя изумительно. Она говорила своим «фирменным» языком, чем идеально подтверждала легенду о самородке, видящем мир как-то по-особому. Программа была посвящена современному искусству.

– Может ли человек жить без творчества? – делал подвод-

ку ведущий.

– Легко. Творняжек вообще мало.

– Простите, кого? – поперхнулся ведущий.

– Творняжек. Тех, кто не может жить без творчества, как дворняжка без двора.

– Вы шутите?

– Вовсе нет. Я же живу. И вы, я смотрю, не кашляете.

Ведущий чуть не закашлялся.

– А разве мы с вами не люди творческих профессий?

– Очуметь! Так творчество еще не опускали, прям мордой в грязь. Да вы омоновец, я посмотрю, – и улыбка во весь экран.

* * *

Все шло хорошо. Аркадию иногда казалось, что он нашел философский камень, превращающий гипс в золото. Правда, Ирочка стала улыбаться все реже. Как будто ее оптимизм был величиной конечной, и его запасы начали подходить к концу. В бидончике ее жизнерадостности показалось доньшко. Она больше не творила ночами, а спала, как все нормальные люди, чтобы с утра снова заступить на вахту. Но, вопреки мнению врачей, правильный режим дня не оказывал на нее благотворного влияния. Скорее, наоборот. Она осунулась, появились темные круги под глазами, да и сами глаза как-то потухли, перестали высекать искру игривой бес-

шабашности. И «гипсорята» начали повторяться, тускнеть, терять легкость озорства и блеск фантазии.

Особенно ее ломало после телевизионных эфиров. Самыми рейтинговыми были ток-шоу на семейные и социальные темы. Туда-то Аркадию и удалось внедрить свою жену. Он достаточно потрудился для того, чтобы Ирочку стали звать на самые популярные каналы страны. Еще в гримерке, пока ее причесывали и гримировали перед эфиром, продюсер посоветовал: «Ничего не стесняйтесь. Ведите себя, как на кухне». Но кухни бывают разные. Ирочка не знала, что бывают и такие. Кухня в коммуналке напоминала институт благородных девиц по сравнению с тем, что происходило в студии.

Известные люди, которых прежде Ирочка уважала и мечтала увидеть живьем, представлявшие ей значительными и умными, загадочным образом превратились в свору великовозрастных забияк. Они боролись за микрофон, как за главный приз своей жизни. Все средства были хороши – перекричать, оскорбить, выстрелить разоблачением, обвинить в некомпетентности, рассказать по секрету всему свету о частной жизни подруги. Ирочка думала, что эти люди расстанутся врагами и прямо при выходе из «Останкино» устроят бойню. Но во время ухода на рекламу они приятельски щебетали, чтобы по команде вновь превратиться в скандальных и непримиримых противников. Ирочке открывались неведомые прежде законы бытия, принять кото-

рые она не могла. И она болела от необходимости и одновременно невозможности жить по ним. Возвращаясь с ток-шоу, Ирочка сразу шла в ванную, чтобы смыть с себя то гадливое чувство, которое оставалось после телевизионных съемок.

Так день за днем в душе ее собирался неприятный осадок от всей этой светской кутерьмы. Сил творить было все меньше. И в одно трагическое для Аркадия утро Ирочка встала посреди комнаты, гордо именуемой мастерской, обвела глазами гипсовые развалы и отчетливо сказала: «Баста, карапузики». Она иссякла. Нечего было переливать в новые краски и формы. Единственное настроение, которое хотелось теперь запечатлеть, – нетронутый белый гипс. Незамаранный цвет – вот чего просила ее душа. Хорошо бы на море поехать и бродить по кромке воды в тишине и покое.

Пришлось Аркадию доставать свои гроссбухи и объяснять, сколько у них невыполненных заказов, сколько накоплено сырья, сколько невозвращенных кредитов, взятых на развитие семейного бизнеса. Для убедительности он тыкал пальцем в какие-то столбцы цифр, тряс в воздухе договорами, предъявлял банковские выписки. Отчаянно продавливал мысль, что нельзя вот так просто развернуться и уйти. Нужно дотянуть эту лямку до какого-то рубежа. Ирочка молча слушала, не возражала и только все ниже опускала плечи под грузом аргументов супруга.

Аркаша неплохо знал жену и понимал, что на этот раз все обойдется. При всех своих заносах и заскоках Ирочка обла-

дала редким качеством – она была хорошим товарищем. Забытое слово, точно выражающее самую суть ее отношения к людям. Она не подводила. Никогда. Не подведет и его. Попросила только: «Больше не затаривайся. Обрыдло уже». Даже жалко ее стало. Стоит в ночной рубашке среди гипсовой хмари, сама на своих «гипсорят» похожая: нелепая, отвязная, по случаю приобретенная и задорого продаваемая. Прямо как их первый гном.

Просится на покой, а нельзя, рано еще. Обкладывая Ирочку цифрами, Аркаша опустил мелкие детали. Например, что на кредитные деньги строится милый домик в Черногории. Правда, оформлен он на его сестру, на всякий случай, если с Ирочкой не заладится. И что денежки в твердой валюте хранятся в правильном месте. Зачем художнику, творцу знать эти бытовые подробности?

Принужденная тянуть ляжку, Ирочка работала на грани фола. Она как будто пыталась нащупать черту, переступив за которую добьется того, что ее творения перестанут покупать. Надевала на гипсовых девиц вульгарные парики, красила им ногти пошлым лаком, вкладывала в кувшины женские прокладки. Но публика все принимала с восторгом. Чем больше издевалась над ними Ирочка, тем больше был ценник на ее «гипсорят». Рынок словно передергивала конвульсия восторга.

Статьи о ней расплозились по модным журналам, как тараканы по коммунальным коридорам. Ирочку называли «ико-

ной постмодерна», «квинтэссенцией бессмысленной эпохи». А уж «последний гвоздь в крышку гроба модерна» оказался таким тиражируемым, что страшно было представить себе размеры этой крышки.

На такой волне закрывать бизнес не хотелось до слез. Аркаша осторожно, как бы в шутку, предложил жене отойти в сторону, чтобы под ее именем поработал кто-то другой. Есть же «литературные негры». От маэстро – только имя на обложке, а все остальное делает какой-нибудь студент литературного института. Но там хоть квалификация нужна, не каждый напишет остроумный детектив или слезоточивую бабскую тягомотину. А тут, смешно сказать, – покрасить, приклеить. Любой маляр справится, даже выгнанный из ЖЭКа за пьянство. Может, пусть Ирочка отдохнет, а вместо нее поработает какая-нибудь креативная девушка из художественного училища? А что? Хорошая идея! Но Ирочка так на него посмотрела, что пришлось выдавить из себя смешок. Пошутил, дескать.

Между супругами наметился тектонический разлом. Раздражение Аркадия росло день ото дня. В нем бродили дрожжи претензий к жене, бурлили невысказанные упреки. Это он создал на пустом месте «икону постмодерна», построил для нее рынок, вывел на уровень богемы. На блюдечке принес деньги и славу. Да если бы не он, украшали бы ее «гипсорята» помойки. Самое место им. Вообразила себя художницей! Устала она, видишь ли! Настроение пропало! Вдох-

новения нет! И он, все это создавший буквально из ничего, вынужден упрашивать, клянчить продолжения, подыгрывать этой марательнице гипса. Он, гениальный мистификатор, уговаривает посредственную художницу еще немного побыть «звездой»! Ну не бред?

Однажды вечером Аркаша нырнул в интернет и вынырнул с очередной добычей, подробным разбором Ирочкиного творчества каким-то именитым искусствоведом. Опять «постмодерн», «квинтэссенция», но есть и новенькое – «визуализация эго», «королева вакханалии», «манифест антижлобства». Аркаша читал эту статью вслух и хохотал счастливым смехом удачливого афериста. Ирочка молчала. Но молчала недобро и напряженно, набычившись, избегая смотреть на мужа, который был ей неприятен. И вдруг без всякой связи спросила:

– А те два придурка, невидимычи? Чем кончили?

– Какие невидимычи? – спросил Аркаша с раздражением. Не телеэфир, журналистов рядом нет, можно же и по-человечески говорить.

– Да, трудно с тобой. Невидимую ткань которые задорого толкали?

– Где толкали? – уже не скрывал раздражения Аркадий.

– Где-где? Разумеется, в Караганде. В Андерсиаде.

Аркадий, не первый год знавший жену, понял, что речь идет о сказке Андерсена, где два прохиндея сумели убедить короля в создании особой ткани. Ткань красивейшая, но есть

одно «но». Ее не каждый может увидеть. Если человек глуп, то для него эта ткань невидимая. И все придворные, да и сам король тарасились и хвалили ткань со стахановским энтузиазмом. Да, молодец жена, в самую суть зрит. Здесь ведь тот же фокус: Аркадий построил миф о новаторском самовыражении своей жены, и все подхватили, льют слюни от восторга, платят сумасшедшие деньги. И все это из страха, что их сочтут простецами, ничего не понимающими в современном искусстве. Аркадий же был убежден, что все так называемое современное искусство является грандиозным блефом по мотивам сказки Андерсена.

– Не помню. Кажется, какой-то мальчик этих ткачей разоблачил, – Аркаше был неприятен разговор.

– А невидимычи? Что с ними стало?

– Не помню.

Через пару дней Аркадий увидел в руках у Ирочки сказки Андерсена. И вечером она возобновила этот неприятный разговор, как будто он и не прерывался.

– Их выгнали.

– Кого?

– Невидимычей. Ткачей тех.

– Заметь, без конфискации имущества, – пытался пошутить Аркаша.

– Позорняцкий финал. Я так не хочу. Им, наверное, в спину смеялись.

Аркаша понял, что это конец их бизнеса. Жену больше

не уговорить. Она вообще в последнее время приобрела какую-то жесткость, непреклонность. Новое качество, которое Аркадия пугало и озадачивало. Не было больше веселой луковой шелухи, рыбьей чешуи с их неповторимой фактурой и запахом. Не было пойманной за хвост игривой бесшабашности. Ирочка стала работать с совсем другими материалами – битое стекло, острые металлические стружки, шипастая колючая проволока. Словно хотела крови почитателей ее таланта.

К этому моменту склад был подчищен, домик в Черногории достроен, договоренности с продюсерами и журналистами исчерпаны. Записка под сахарницу стала финалом этой истории. «Прощай. Вместе нам трудно. Надеюсь, ты будешь счастлива». И ниже: «P.S. Заедет мой бывший шеф, отдай ему любого гнома. Этих денег тебе на первое время хватит».

Ирочка прочла и усмехнулась. Усмешка – это обрубок улыбки. Все, что осталось от ее фирменного «рот до ушей».

* * *

Обрубок улыбки... Блестящая заготовка для какого-нибудь прыткого журналиста. Окажись рядом Аркадий, и этот финал можно было бы неплохо продать, собрав продолжительные аплодисменты растроганной публики. Можно было бы организовать прощальный бенефис в виде финальной распродажи последних «гипсорт». Уж Аркаша бы про-

следил, чтобы эксклюзивный репортаж о прощании с искусством «иконы постмодерна» написали эффектно, элегантно, с налетом трагичности, но без дешевого бытописания. Именно так должны уходить с небосклона славы звезды.

Но Аркаша был далеко. А без него все вышло незатейливо, просто, можно даже сказать примитивно и банально. Страдания Ирочки были совсем заурядные, бабские, без тени чего-то оригинального, подobaющего «иконе стиля». Красные, припухшие от слез глаза, разбухший от соплей нос, неприбранные волосы, облупившийся лак на ногтях. Ведь глупо красить ногти, когда закончилась жизнь. Закончилась настоящей кляксой.

Ирочка ходила по своей мастерской, то тихонько подвывая, то громко завывая, и не знала, что будет завтра. Не в высоком, философском смысле слова, где завтра означает всю оставшуюся жизнь. А в простом, бытовом значении, когда завтра – это день, следующий за сегодняшним. Это всегда знал ее муж, который составлял расписание, говорил, во сколько подойдет машина и куда Ирочке надо ехать, на какое время назначен прямой эфир или презентация нового бутика. Она была как женщина-ребенок, прикрытая от ветра спиной взрослого человека. Только со своими «гипсорятами» она чувствовала себя взрослой девочкой, поступала, как считала нужным. В остальном же шла за мужем, временами огрызаясь, покусывая и бунтуя, но всегда за ним. За те несколько лет, что они были вместе, Ирочка привыкла ви-

деть жизнь, выглядывая из-за спины Аркаши, при этом ворча, что он заслоняет картинку. Эта спина в последнее время казалась ей неказистой, сутулой, даже лопатки топорщились как-то отталкивающе, отвратительно. Но сейчас, когда муж ушел и больше не мешал обзору, Ирочка запаниковала. Нужно собирать свою, только ей принадлежащую, новую жизнь. А как? Из каких кирпичей? Как приучить язык к слову «бывший»? Бывший муж в ее бывшей богемной жизни. Как трудно смириться с бывшим счастьем.

В этих тягостных мыслях Ирочка провела не одну неделю. Телефон не брала, на звонки не отвечала, а если кто и прорывался через долгие гудки, то напарывался на Ирочкино откровение, перемежаемое всхлипами: «Меня больше нет. Меня гномы съели». Журналисты радостно возвестили, что звезда не выдержала творческого накала и съехала с катушек. Кто-то писал в меру интеллигентно, кто-то вызывающе скандально, поддерживая имидж своего издания, но ни один не упустил случая оттоптаться на этой теме, поднять рейтинг за счет такой интересной истории. Журналисты напоминали свору собак, вырывающих друг у друга лакомую кость – новость о закате «иконы постмодерна».

Вообще-то дозвонилась всего пара журналистов, еще один проник в дом под видом сантехника, а остальные, как двоечники, оперативно списали у них основную фабулу, добавив от себя интимные подробности – нервный тик модной художницы, ее истеричный смех и пустые бутылки вдоль

батареи. Будучи профессионалами, они отлично понимали, что Ирочке не до того, чтобы подавать в суд за клевету. Она, скорее всего, в эти дни вообще газет не читает и телевизор не смотрит. Потому можно писать все, что душе угодно. Если, конечно, тут уместно говорить о душе. Безнаказанность обострила фантазию журналистов, они резвились, как дети, кидая комья грязи в спину уходящей «иконе». Прочитав парочку таких репортажей, Ирочке захотелось умереть. Не было спины, за которую она могла бы спрятаться от грязевой картечи. Все, что Ирочка смогла, – переломить пополам прежнюю сим-карту и завести новый номер мобильного телефона. Теперь она недосягаема. Для того, кто хочет отрезать себя от мира, только смена пола работает более эффективно. Но пол менять Ирочка не стала. И по идейным соображениям, и по финансовым. Аркадий исчез вместе с деньгами.

Подруги навещали ее, приносили тортики или горячительные напитки. Они пытались взбодрить Ирочку, устраивали посиделки, рассказывали, как им думалось, что-то смешное и жизнеутверждающее. Ирочка вежливо улыбалась и благодарила за визит. Но чашки потом долго не мыла, они так и стояли в мойке с траурным осадком от духоподъемного чаепития. Засохшие кремовые розочки на недоеденном торте напоминали искусственные цветы на траурных венках. Дни шли, а легче ей не становилось.

В один вечер, будто снятый под копирку со вчерашнего,

Ирочка сидела на кухне и тускло смотрела на кремовые розочки, засыхающие после очередного чаепития. Взгляд переполз на скатерть, обшитую старыми кружевами. Это ее мама в вечных поисках занять руки какой-то работой спорола их с чего-то вышедшего из употребления и перебросила на новый фронт – скатерть украшать. Самоотканые кружева ручной работы, где дорожка каждой ниточки явная, не склеенная с другими, не то что у фабричных капроновых кружев. И Ирочка погрузилась в разбег этих ниточек, стала следить глазами, щуриться, водить пальцем, чтобы не упустить след, распутать узор. Пожалуй, впервые она распутывала не собственные страдания, не историю своих отношений с бывшим мужем, а что-то иное, новое.

Ниточки кружева петляли, разбегались, перекрещивались, путались, перегораживали друг другу пути, заходили в тупик, однако вновь отыскивали выход, тянулись куда-то, но пресекались стараниями других ниточек. Настоящий ниточный лабиринт. Полный хаос, паника в душе отдельной ниточки, страх запутаться и потеряться, заплутать и сбиться с пути, а вместе получается красота, музыка танцующих ниточек. И Ирочка вдруг поняла, вернее, почувствовала, что нет безнадеги. Что жизнь подобна кружеву, где петелька за петельку складывается орнамент. Что она, как ниточка, волеется в какой-то сложный узор, что тупик – это начало нового плетения. И не важно, что она его пока не понимает. А может, никогда и не поймет. Нужно только каждый день

выдавливает из себя по петельке, бросать себя в накид, двигаться вперед, старательно плестись, перекрещиваясь с другими ниточками.

Старое кружево, споротое и бережно сохраненное мамой, кинулось Ирочке в руки как спасительная веревка, потянуло из омота отчаяния. А может, это просто восстало ее нутро, расположенное к радости, ее неистребимая склонность к улыбочности и движению. Возможно, кружево тут ни при чем, просто так совпало. Случайность, не более. Она устала страдать, вычерпала всю способность к печали, вот и заблестел вдалеке лучик надежды. Кто знает? Может и так. А может, это мама, сама того не зная, когда-то сплела петельку, подцепившую теперь Ирочкину ниточку? Неизвестно. Да и не важно.

Через пару недель Ирочка вышла на работу. В детский клуб, вести кружок рисования. Это получилось случайно, а потому совершенно правильно. На остановке Ирочка услышала разговор двух женщин. Одна жаловалась другой на то, что ребенок любит рисовать, а в их детском клубе такой кружок не предусмотрен. Все есть – уроки игры на баяне, лепка из пластилина, даже выжигание по дереву, а вот рисования нет. Вторая тетка реагировала довольно предсказуемо: «Чего ты хочешь? Страну разворовали, сволочи». Ирочка не вполне понимала связь между высокой политикой и кружком рисования, но не спорила. Выждала паузу и попросила адрес клуба.

Клуб располагался в подвале. Сбитые ступеньки и обшарпанные стены не оставляли сомнений в том, что Ирочка не перепутала адрес. Под детские клубы пускают то, что не удастся сдать в аренду коммерческим структурам. Принимая ее на должность с символическим окладом, никто от удивления со стула не упал. Ее просто не узнали, не увидели в обычной женщине «звезду постмодерна». И не потому, что Ирочка изменилась, посерела от горя и прочее, что любят описывать в романах. Наоборот, ее фирменный «рот до ушей» довольно быстро вернулся на свое рабочее место. Дремучесть новых коллег объяснялась довольно просто – они не были целевой группой Аркашиных атак, потому виртуозно спланированная рекламная кампания обошла этих людей с флангов, не задевая никоим образом. Они не читали дорогие глянцевого журналы, потому что не испытывали интереса к сравнению мяса кенгуру и акулы. Не попадали под каток разнообразных ток-шоу, стыдливо переключая каналы, как только кто-то начинал брызгать слюной, уча жизни беспутную героиню программы или свою страну. Не сидели в соцсетях, потому что не коллекционировали виртуальных друзей. Словом, сохранили достаточно здравого смысла и поэтому не попались в ловушки, старательно расставленные Аркадием.

Коллектив педагогов детского клуба был малочисленный, но колоритный. Старенький баянист Сан Саныч, без одного пальца на левой руке, учил детишек играть на баяне. Маруся Ивановна, пожилая женщина в стоптанных туфлях,

счастливого жмурясь, показывала детям, как можно оживить пластилин. Дама без возраста со странным именем Изольда радостно кашляла от дымка, который вился от выжигания по дереву, словно вдыхала дым дорогих папирос, зажатых в длинный дамский мундштук. Был еще фанатично преданный шахматам отставной подполковник, истребляющий привычку детей называть ладью турой. А еще Петрович – забавный пенсионер с неопределенным прошлым, сохранивший пленочный фотоаппарат, фотоувеличитель и красный фонарь для проявления пленки. Он рассказывал и показывал, как делали фотографии в прошлом веке, что по уровню технического прогресса приравнялось в глазах детей ко временам Киевской Руси.

Благодаря этим людям теплилась жизнь в «рассаднике красоты», как назвала детский клуб Ирочка. Они обживали подвал, который щедро выделили им местные власти, с такой неумолимой решимостью, как будто здесь пролегал главный и последний рубеж их жизни. Ирочке предложили вступить в ряды этих блаженных. И она не упустила случая. Стала одной из них.

Первая победа, с которой Ирочка вошла в историю клуба, была одержана ею в «битве при коврике». Дело в том, что более чем скудное материальное положение организации претило вкусам разных проверяющих инстанций. И они, не скрывая неприязни к нищетолюбам, изводили их, как могли. Точкой преткновения стал обычный коврик, который лежал

у дверей клуба, на деревянном помосте. Без этого коврика дети заносили грязь. К тому же коврик у входа был необходимым элементом уюта в представлении Сан Саныча. Остальные члены коллектива проявили солидарность и согласились с тем, что без коврика вход выглядит каким-то сиротливым. Было решено оставить его любой ценой. А цена оказалась немалая.

Пожарная инспекция пугала картинкой, как выбегающие при пожаре дети запинаятся о коврик, падают на нем и больше не встают, покрывая коврик мертвыми телами. Вывод был однозначный: коврик нужно прибить гвоздями, чтобы не елозил. Чего, казалось бы, проще? Но тут приходили представители санэпидемстанции, учетчики микробов и бактерий, и впадали в ужас от прибитого коврика. Ведь при уборке его надо обязательно приподнимать, чтобы мыть под ним пол. Ввиду этого двоевластия рядом с входной дверью в укромном месте лежали молоток и гвоздодер. И все члены «рассадника красоты» были обучены обращаться с этими инструментами. Иногда пользоваться ими приходилось по нескольку раз в месяц.

Ирочка предложила заменить гвозди на липучки, хорошо знакомые всем по китайским пуховикам. И фиксируется, и приподнимать можно. Пожарные и охранители чистоты сочли себя одураченными, но формально вынуждены были удовлетвориться таким решением проблемы. «Битва при коврике» завершилась победой коллектива.

Окрыленная первым успехом, Ирочка пошла дальше, да так далеко, как никто из ее новых коллег еще не ходил, – на прием к депутату. И вернулась с обещанием покрасить стены за государственный счет. То ли счет был такой мизерный, то ли приближались выборы, но стены действительно покрасили. После этого коллеги сочли, что Ирочка может все. Они смотрели на нее с восхищением, как на вожака.

Ирочке было неловко, потому что в кабинете депутата она не проявила никакого героизма. Все произошло как-то удивительно легко и просто. Поначалу депутат смотрел на Ирочку, как на назойливую муху, и от того взгляда она уменьшалась в собственных глазах до размеров насекомого. Она потеряла весь свой кураж и, ненавидя себя за беспомощность, лепетала что-то про облупившиеся стены, про детей, которые на них смотрят. Депутат молчал, думая о своем. Просительница напомнила ему о незавершенном ремонте в собственном многоуровневом коттедже, что было досадно и искрило ссорами с женой. Думая об этом, он не реагировал на просительницу. А Ирочка, чувствуя, что идет в своем монологе по третьему кругу, начала вставлять новые, незапланированные подробности:

– У нас же коллектив! Вы бы видели! Какие игрушки Маруся Ивановна делает! А Сан Саныч? Это же Паганини на баяне. У того струны лопались, а у нашего пальцы отлетали. Не все, конечно, один только. А кружок выжигания? Он же всем прикурить дает, на любом творческом конкурсе.

Понимая, что ее несет куда-то вбок, скорее всего, на рифы, она замолчала. И весьма кстати, потому что депутат вдруг как будто проснулся и открыл рот:

– Маруся Ивановна говорите? И что? Все еще игрушки лепит?

– Лепит, – пролепетала Ирочка.

– Неугомонная, – странно отреагировал депутат. – Ну пусть лепит, если нравится. Пластилин все стерпит, даже дурацких коняшек с пятью ногами.

– Они не дурацкие. Это фантазийное направление, – робко возразила Ирочка.

Депутат задумчиво посмотрел на нее и вдруг великодушно произнес:

– Значит, стены хотите покрасить? Ладно, поможет вам раб божий Семен, – и чиркнул себе какую-то пометку.

«Совсем на православии торкнулись», – подумала Ирочка, но изобразила тихую воцерковленную улыбку. Лишь бы стены покрасили.

И ведь покрасили. Сдержал слово раб божий Семен.

* * *

Ее кружок был переполнен. Родители думали, что там их детишек учат рисованию. Но рисовать в обычном смысле Ирочка не умела. К счастью, дети в этом не нуждались. Они искали того, кто бы им не мешал. И тут Ирочка была на

своем месте. Летающий мышонок? Прекрасно! Червяк под зонтиком? Здорово! А главное, она узнавала, что нарисовал ребенок, еще до сбивчивых комментариев молодого дарования. На месте загогулин и разводов ей удавалось увидеть улитку, бодающуюся с трактором. А что же еще? Это же очевидно! Случалось, что она была единственной из взрослых, кто мог расшифровать детский замысел. Опыт с «гипсорятами» не прошел бесследно. Мир фантазии впускал Ирочку в свои владения беспрепятственно, словно она была там всегда. И счастливый взгляд ребенка подтверждал ее право входить в этот мир.

Своих воспитанников Ирочка называла «талантулами», соединяя воедино «талант» и «тарантул», потому что эти талантливые дети, а других она не знала, забирали ее жизнь полностью, без остатка. Она принадлежала только им. Часы работы ее художественной студии были лишь декоративной надписью на доске расписания, не более. Ирочка не придерживалась расписания, закрывая студию только поздно вечером. И, идя домой, присматривалась к облакам, к сугробам, к кронам деревьев, чтобы с утра поделиться с детьми наблюдениями, рассказать, как облако поранилось о елку. И дети рисовали страдающее облако и спешащий к нему на помощь ветер, снимающий небесного пушистика с колючих веток. «Талантулы» были преданы ей до доньшка своих детских душ.

Ирочка проработала в «рассаднике красоты» три года. За

это время она полюбила Изольду с ее манерами актрисы немого кино, выучила все болячки Маруси Ивановны, нашла для Петровича на блошином рынке фотоглянцеватель, узнала от Сан Саныча, что «Амурские волны» и «На сопках Маньчжурии» – это разные песни. И спела их вместе со всеми на похоронах подполковника-шахматиста. Словом, жизнь катилась себе помаленьку. На этот раз не в гору или под откос, а как будто по ровному полю.

Но через три года на адрес клуба пришел конверт. Письмо было от местного органа власти, а значит, излучало угрозу по определению. Воспоминания о ковровой эпопее еще не стерлись из памяти, на всякий случай молоток и гвоздодер не убрали далеко. Малочисленный трудовой коллектив подозрительно косился на лиловую печать, которая заменяла адрес отправителя. Маруся Ивановна заранее накапала себе валокординчика, приготовившись к худшему. Изольда обмахивалась импровизированным веером, сделанным на скорую руку из инструкции к недавно купленному аппарату для выжигания по дереву. Аппарат был мощный, а инструкция хлипкая, веер постоянно заламывался, отчего Изольда никак не могла успокоиться. Петрович нервно щелкал затвором ФЭДа, фотографируя их сосредоточенные лица. Фотографировал без пленки, просто чтобы чем-то себя занять.

Решено было конверт не вскрывать до прихода Сан Саныча. Ирочка живо прокомментировала:

– Типа если рванет. Одним пальцем больше, одним мень-

ше...

Черный юмор, но хоть какой-то. Ирочка изо всех сил пыталась разрядить обстановку.

– А может, нас наградить хотят?

– Разве что посмертно, – обрубилa шутку Маруся Иванова. – У нас наказывают невиновных, а награждают нечастных.

И снова тишина. Коллектив молча смотрел на конверт. Лиловая печать органа власти не предвещала ничего хорошего. Наконец веселой походкой подошел Сан Саныч. Ему вручили конверт и, тревожно вглядываясь в его лицо, пытались угадать, какое впечатление это на него произведет. Ничего нового: при виде печати Сан Саныч заметно погрузтел. Брови насупились, а губы беззвучно зашевелились. Ирочке показалось, что он матерится. Это строго запрещалось в детском клубе. Но случай был исключительный.

Все смотрели на конверт в руках Сан Саныча как на бомбу. И письмо действительно «рвануло»: выпиской из протокола их извещали, что «принято решение о прекращении деятельности...». Дескать, сворачивайтесь, увозите манатки, освобождайте помещение. Видимо, и на этот подвал нашелся платежеспособный арендатор. И непонятно, куда бежать, с кем воевать. «Принято решение» – это гениальная бюрократическая завеса, скрывающая авторство пакости. Кем принято? Кто герои? Нет ответа, молчат из скромности.

Ирочка оглянулась и увидела дрожащие губы Изольды,

нервно впившиеся в пластилин пальцы Маруси Ивановны, растерянный взгляд Сан Саныча. Петрович предложил «бороться до конца» и тут же поинтересовался, возьмут ли фототехнику в музей. Стало быть, предвидел, что конец близок. Их армия оказалась деморализована, неспособна к боевым действиям. И Ирочка поняла, что разгром неизбежен. От капитуляции их отделяет лишь одна живая душа – она. Ничего не умеющая фантазерка, рисующая с «талантулами» идиотические картинки. Нет, только не это. Какой из нее полководец, когда она свое Ватерлоо уже проиграла? Но ведь полководцем выбирают не умного и сильного, а того, кто умнее и сильнее остальных. Откуда-то всплыло: «Пронеси сию чашу мимо». Кино? Библия? Не важно, только пронеси.

Но не пронесло. Слишком беспомощными и родными выглядели эти старики и слишком привычными были детские голоса в этом подвале, чтобы оттолкнуть от себя сию чашу, сдаться без боя. Ирочка зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, в них сиял осколок детского мультика, где герой постоянно повторял: «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» И тот неизменно отвечал: «Есть ли у меня план? Да, у меня есть план». С этой переключки начиналась несусветная путаница, месиво недоразумений, когда весь план летел в тартарары, но в итоге события как-то выкруливали на счастливый финал. Потом все повторялось, и мультик тянулся как резинка для трусов. Ирочка-девочка обожала его. И вот Ирочке-взрослой-тете предстояло сыграть в нем главную роль.

Для начала Ирочка провела ревизию своих активов. Что она имеет? Грошовую зарплату. Стало быть, столбовая дорога решения всех проблем – взятка – для нее закрыта. Неземная красота? Такая, чтобы зайти в кабинет чиновника, лишить его покоя, зажечь в нем пламя рыцарской любви? С этим, надо признать, дефицит. На Дульсинею Тобосскую она не тянет, да и Дон Кихоты по вертикали власти выше почвенного уровня не поднимаются. И что этот Дон Кихот получит от Ирочки? Вот именно, ничего. А если подвал займет предприниматель, то улучшатся показатели инвестиционного климата для развития малого бизнеса. Нет, сам бизнес, скорее всего, загнется, но главную свою миссию – улучшение показателей – выполнит.

Может быть, стоит напрячь родителей своих «талантулов»? Чтобы они, как обманутые вкладчики, стояли с расписными плакатами напротив мэрии? Раньше писали «Руки прочь от Анжелы Дэвис», а теперь будет «Руки прочь от нашего подвала». Да, мельчает мир. Вместо борьбы планетарного масштаба битва за отдельный подвал, прямо как за дом Павлова при обороне Сталинграда. Но чиновники, хоть и сволочи, все же не фашисты. Так что защита подвала на героический эпос не тянет, чиновники на пикетчиков только пепел от сигарет из окон смахивать станут. Хотя сейчас курить в общественных местах запрещено. Значит, даже пепла не будет. Просто равнодушные. Стойте, раз ног не жалко.

С этого пикета только журналисты согреются. На местный

канал ролик на десять секунд отснимут, свою копейчку заработают. Эти-то своего не упустят, как стервятники, налетят туда, где пахнет несчастьем, скандалом. Ирочка это по себе знала. Стоп! «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» Ирочка поняла, что он у нее есть.

* * *

План был простой и циничный. Для начала Ирочка поблагодарила небо за то, что бывший муж Аркаша заставлял ее записывать все важные телефоны в бумажную записную книжку, придерживаясь старомодного алфавитного порядка. Как любой современный мужчина, он с головой погрузился в бездну цифровых технологий, пробовал новые девайсы, любил порассуждать про сравнительные достоинства разных моделей смартфонов. Так было принято в кругу «продвинутых», передовых современников, и Аркаша старательно им подыгрывал. Но в глубине души он не доверял технике и страховался старинным рукописным вариантом. Вести архив полезных адресов, телефонов, имен было поручено Ирочке. А она, как человек добросовестный, выполняла поручения мужа очень аккуратно. Только к собственным затеям она относилась с изрядной долей разгильдяйства.

Теперь этот блокнот был на вес золота, оставалось его найти. Ирочка перерыла всю квартиру, разобрала чулан и антресоли, разгрузила лоджию, перетряхнула шкафы и вывер-

нула старые сумочки. Вынесла на свалку несколько коробок с разным барахлом. Раздала соседям лишние кастрюли. Подарила дворнику простаивающий веник. И, наконец, нашла блокнот.

Операция под кодовым названием «Возвращение» началась со звонка продюсеру того самого ток-шоу, где Ирочку просили вести себя как на кухне.

– Здравствуйте!

– Да, слушаю. Вы по делу?

– Нет, я по телефону.

Замешательство и любопытство не позволили продюсеру бросить трубку. В его голосе прорезался интерес.

– Пошутить захотелось? Кто на проводе?

– Я не на проводе, а на крючке.

– И что вы хотите?

– Продать себя второй раз.

– Вы знаете, куда звоните? Это Первый канал, на минутку.

– Да-да, чумовая коммиссионка для бэушных звезд.

– Каких звезд? – ошалел продюсер.

– Бэушных, то есть бывших в употреблении. Это когда звезда потухла, а свет от нее еще идет.

После серии ясных вопросов и интригующе бестолковых ответов продюсер все-таки понял, с кем и о чем он говорит. И если на это понимание понадобилось какое-то время, то калькуляция собственной выгоды заняла считанные доли се-

кунды. Он моментально смекнул, что возвращение популярной некогда «икона постмодерна» поднимет рейтинг программы до небес. Надо только эффектно подать. «Куда исчезла звезда визуального эпатажа?» Нет, для массового зрителя слишком много умных слов, надо попроще. «Уйти, чтобы вернуться». Нет, чересчур на название сериала смахивает, простовато как-то. Ладно, с этим разберутся специально обученные люди. Главное, зафиксировать в памяти начальства, что именно он «звезду» нашел и на программу привел. Дескать, искал-искал, десять пар башмаков сносил, из сил выбился, пока отыскал. Вовсе не обязательно докладывать, что она сама ему позвонила.

А чудесный блокнот листался и листался. Чтение страниц с именами и телефонными номерами поглощало все свободное время Ирочки. Она перечитывала блокнот с тем чувством, с которым полководец разглядывает карту военных действий. Планировалось наступление широким фронтом, с охватом всех главных каналов и печатных изданий. С флангов ожидалась помощь радио. Прикрытие с воздуха обеспечат наскоро смонтированные ролики, в которых богатые и знаменитые люди поделятся воспоминаниями о радости обладания смешными и смелыми «гипсорятами». Постепенно сформируются партизанские отряды в виде сообщества блогеров, каких-то чатов и форумов, о чем Ирочка имела смутные представления. Всему, что связано с интернетом, Ирочка отводила роль партизанщины, слабо управляемой,

но эффективной. Жизнь интернета была ей неведома, Всемирная паутина казалась минным полем, и глубоко заходить туда она не планировала. Ей бы с главными силами разобраться.

Ирочка самозванно назначила себя главнокомандующим необъявленной войны. Даже включенный утюг должен был выжигать на белье ее имя. Конечно, долго этот ажиотаж не продержится, найдется другой информационный повод. Чтобы перетянуть внимание, кто-нибудь из звезд объявит себя наркоманом или девственником, многоженцем или агентом инопланетной цивилизации – люди творческие не лишены фантазии. Но она успеет. Ей бы только на пару дней стать главным информационным поводом, больше не надо.

Номера мобильных телефонов из старого блокнота выполняли теперь роль секретных шифров, построив комбинацию которых она надеялась выиграть. Выиграть, ни много ни мало, – целый подвал для своих «талантулов» и их блаженных наставников. Игра стоила свеч.

Главная изюминка операции «Возвращение» состояла в том, что Ирочка, дескать, ни на миг не уходила из так называемого искусства. Просто пожертвовала несколькими годами своей творческой жизни, чтобы создать целое художественное направление, «школу имени себя». И вот пришло время вынести на суд высокой общественности первые результаты педагогической жертвенности. Ирочка разбрасывала по редакциям рисунки своих «талантулов» с меткостью

ковровых бомбардировок, то есть не целясь, но всегда попадая. Особо богатым клиентам, купившим когда-то ее «гипсорят», она дарила детские рисунки с такой помпой, что счастливые обладатели готовы были бы снять со стен подлинники Ван Гога, чтобы повесить на этот гвоздь «новое слово в искусстве». К счастью, у них не имелось Ван Гога, поэтому Ирочка не стыдилась своих проделок.

Для повышения убойной силы детским рисункам требовались названия. Тут пришел черед Изольды и Маруси Ивановны. Оказывается, в этом деле могут быть свои особенности. Изольда давала названия всегда односложные и столь эластичные по смыслу, что они подходили к любому детскому шедевру. После просмотра пачки рисунков она просто записывала в столбик названия на утверждение. Если какой-то рисунок выбивался из общего ряда, он переключивал в стопку Маруси Ивановны. Изольда, изящно склонившись над столом, писала: «Настроение», «Волнение», «Сомнение», «Миропорядок», «Вокруг», «Перезвон», «Галактика». Ирочка вычеркивала «Миропорядок» как слишком умное и шла к Марусе Ивановне. Та придерживалась иного подхода. Долго вглядываясь в рисунок, она писала на его оборотной стороне: «Жук, нехотя вылезающий на зов солнца» или «Красный цвет, переходящий в синий, в белой рамочке». Если было совсем трудно, она отдавала листок Изольде, которая тут же подмахивала какую-нибудь «Тревожность» или «Фантазию».

Сан Санычу эту работу не доверяли, его предложения всякий раз имели милитаристский уклон, что не укладывалось в концепцию новой художественной школы. Тем более детской. Например, рисунок очаровательной Оленьки шести лет от роду, с упоением размазывающей краску по белому листику и каждый раз окунающей кисточку в другой цвет, Сан Саныч предложил назвать «Конец Квантунской армии». Маруся Ивановна затруднилась предложить свой вариант. Они с Сан Санычем были давними друзьями, и ей не хотелось дискредитировать его идею. Тем более что она не знала, чем кончила Квантунская армия. Изольда тоже не знала, но не растерялась и выдвинула предложение назвать детский рисунок «Вакханалией цвета». Потом одумалась и милостиво согласилась на «Разноцветие».

Самых смешных, картавых, шепелявых и рыжих детишек Ирочка привела на очередное шоу, где они произвели фурор своей непосредственностью и какой-то утрированной детскостью. Более милыми и смешными бывают только пингвины в зоопарке. Страна рыдала от умиления, что есть такие замечательные педагоги, которые откупоривают вулканы творческой энергии в наших российских детях. Прикованным к экранам телезрителям было недосуг оглянуться и увидеть, что вокруг них полно подвалов, клубов, домов культуры, где тихо сподвижничают такие же педагоги и дети творят свои обыкновенные чудеса.

Наступая по всем фронтам, Ирочка без усталости надувала

информационный пузырь. И все только затем, чтобы в один прекрасный воскресный вечер, завладев прямым эфиром, на глазах всей страны прилюдно проткнуть его конвертом с лиловой печатью от местного органа власти. Взрыв был такой силы, что власть не знала, как собрать себя со стен своих кабинетов. Возмущение общественности не знало пределов. Этих талантливых детишек на улицу? Новое направление в детском изобразительном творчестве под нож? Есть ли сердце у хозяев этой лиловой печати? В главной новостной программе страны прошел сюжет «Будущее русских Левитанов под угрозой». Ирочка хмыкнула, ведь Левитан был евреем. Видимо, предполагалось, что со временем этот недостаток получится изжить.

Цель была достигнута. Чиновники, обидевшие юных художников, прилюдно извинялись по всем каналам, щедро заливали слезами раскаяния страницы разнообразных газет. Чудесным образом они быстро оказались «бывшими», настолько расстроил вышестоящее начальство этот «возмутительный факт». «Рассадник красоты» переехал в новое светлое помещение, где всем нашлось по отдельной комнате. Марусе Ивановне даже поставили печь для обжига керамики, но она по привычке работала с пластилином. Зато Изольда расширила творческий спектр пропорционально увеличению площади, добавив к своему выжиганию по дереву плетение соломенных лошадок и берестяных туесков, что вписывалось в тренд возвращения к истокам. Ее ребята даже

победили на какой-то выставке, и Изольду в духе народности премировали павловским платком, который она не носила по эстетическим соображениям. Сан Саныч обогатился аккордеоном, но только, видимо, затем, чтобы всем доказать, что баянист может запросто освоить аккордеон. Правда, ему это не удалось, но вина была возложена на отсутствующий палец. Петрович получил комнату, гордо именуемую фотолабораторией, о чем теперь знала вся его родня, соседи и просто трамвайные попутчики. Словом, создавалось такое впечатление, что все, что жизнь задолжала этим людям, возвратилось разом и с большими процентами. Счастье было намазано жирным слоем, посыпано восторгом и украшено уверенностью в завтрашнем дне.

Мешали работать только частые приходы представителей разных инспекций, от пожарных до санэпидемстанции. Но если раньше они строжились и запрещали, то теперь заискивающе интересовались: все ли устраивает? не надо ли чего? Маруся Ивановна, забыв прошлые обиды, даже подружилась с теткой из санитарной службы, простила ей историю с ковриком и совершенно бесплатно получила от нее потраву от тараканов на весь свой подъезд.

Но самым удивительным событием стало появление спонсоров. Оказалось, что мамонты вымерли, а Мамонтовы не перевелись. Переполненные чувством социальной ответственности, они мечтали помочь детскому творчеству. Их буквально распирало желание поддержать юные таланты. На

меньшее, чем вывоз детей в Венецию на пленэр, они не соглашались. На худой случай годилась экскурсия в Лувр. Ирочка было заикнулась о новых красках и мольбертах, но поняла, что мизерность просьб оскорбляет широту души спонсоров. От Венеции все же удалось увильнуть, сказав, что там сыро и дети «соплями изойдут». Лучше уж в Крым. И тепло, и патриотично. Ну, или в Питер, там есть на что посмотреть, это как ликбез для юных художников. На том и порешили.

Словом, жизнь покатила по-прежнему ровно, но на другой высоте, как по высокогорному плато. Легко, приятно, ветерок обдувает, сплошное удовольствие. И только одно тревожило Ирочку, оставляя царапины на ее настроении, – звонки и письма из разных Мухосрансков, где в подвалах прорвавшие трубы заливали рисунки незнакомых ей детей. Уроженцы деревни Гадюкино тоже хотели рисовать, что не укладывалось в представления властей о потребностях населения. У нее просили помощи. Но что она может? Еле сама отбилась. Ее на всех не хватит. Нет, не ее это дело. Сочувствует? Да! Но поделаться ничего не может. Увы! Нет у нее возможностей всем помочь. Старалась забыть об этих письмах, мычала неопределенное в трубку, подумывала вновь сменить номер телефона. Не спасительница она, не воительница, кишка тонка.

В один горемычный день, разбирая электронную почту, открыла лаконичное письмо неизвестного отправителя:

«Молодец! Ловко! Моя школа! Отличная пиар-акция! Надеюсь, не держишь на меня зла? Искренне рад за тебя. Аркадий». Она посидела с минуту молча и, не говоря ни слова, пошла в душ, смыть с себя помой, которыми облило ее это письмо. Стоя под струей горячей воды, Ирочка долго-долго объясняла бывшему мужу, что он ошибается, что он все неправильно понял, что это совсем другое, что тут не для себя, что у нее другого выхода не было, что ее загнали в тупик, что Сан Саныч очень хороший, что без пластилина Маруся Ивановна не проживет, что Изольде для дыхания нужен дымок от жженого дерева, что маленькая Оленька любит разноцветие, что у Петровича пять коробок негативов, что без блокнота все бы рухнуло, что дети не виноваты, и она ради них старалась, что «талантулы» – это все, что у нее есть. Но видела улыбку на Аркашином лице. «Ловко!» Она говорила и говорила, повторяясь и путаясь, идя по кругу в поисках убедительных слов и досадуя на себя, что не находит их. А он все шире улыбался. «Моя школа!» Она оправдывалась, захлебываясь словами. А в ответ, как пощечина: «Молодец!»

«Пронеси сию чашу», – устало попросила Ирочка. Кажется, это уже было. В кино? В Библии? В ее жизни? Какая разница. Просила и знала, что не пронесет. Что тот выбор, который ей предстоит сделать, она уже сделала. Только что. В ванной. Просто боится самой себе признаться в этом. Руками отталкивала чашу, а губами тянулась испить из нее.

На следующий день она забила в поисковике интернета

два слова: «благотворительный фонд». Словно сплела маленькую петельку, которая подхватила ниточку ее жизни. Вывалилась куча новостей, юридических документов, разных историй. Ирочка читала и глазами художника, натренированного превращать чувства в картинку, видела горные реки, бурлящие человеческими страданиями, и странных людей, которые, вместо того чтобы побережиться, отшатнуться, отойди подальше от опасного места, лезут туда. Они не боятся забрызгать свое благополучие чужим несчастьем, ворочают там камни, строят запруды, воздвигают дамбы, как будто хотят утихомирить эти воды.

Нет, она не из их числа. Она слабая и неумелая, ей бы со своей жизнью разобраться. И еще трусливая, ей страшно. Она только из любопытства почитает. Одним глазком, по диагонали. Просто почитать – это же еще ничего не значит. Всегда можно отступить, отойти в сторону. Ну, хорошо, ответит на одно письмо, только на одно, не больше. Просто там случай вопиющий. Нужно вмешаться, помочь, хотя бы попытаться. А больше не будет, ни-ни, не ее это дело, не по силам.

Хотя... Если поджаться или спонсоров поискать, то в Крым можно еще каких-то детишек взять, пусть настоящие волны увидят. Нарисуют их непременно красным цветом, потому что они очень красивые. Чтобы те дети узнали, что волны бывают не только от прорвавшихся труб в подвале. Но это только один раз, и все, хватит с нее, не может

она больше ничего для них сделать. Расстанутся на вокзале, и все, прощайте, загорелые. Ну хорошо, один разок она сходит в районную управу, поговорит там, похлопочет. Но только потому, что по пути на работу. Не ходок она по инстанциям, увольте. С души воротит от казенных коридоров, там таблички на кабинетах мрачнее, чем надписи на надгробных плитах. Один раз в виде исключения похлопочет, и не просите больше.

Так, шаг за шагом, она шла вперед, обманывая себя возможностью бегства. Звонила, писала, встречалась, радовалась, скандалила, благодарила, раскисала, добивалась, пока не поняла, что пути назад нет. Это и есть ее жизнь.

Так, петелька за петельку, начал складываться новый узор Ирочкиной жизни. Крючок, зажатый в старческих руках какой-то небесной рукодельницы, мелькал, набирая скорость. И пока замысел не исполнен, кажется, что нет никакой связи между происходящими событиями, встречами и расставаниями. Мелькают лица, звучат голоса, перемешиваются краски, дробятся дни на мелкие и незначительные случаи, а потом получается узор – у кого-то неприхотливый, у кого-то затейливый, у кого-то незавершенный. Это уж как Бог даст. А у нее вот такой. Просто так ниточке выпало. Жизнь, облепленная «талантулами». Не плохая и не хорошая, а просто другой нет. И, кажется, ей не надо.

С годами попасть к Ирочке в студию стало трудно. Мольберты стояли так скученно, что приходилось протискиваться боком, с риском оцарапаться об их углы. Ну совсем как в давнишней жизни, когда она продиралась сквозь кольцо гипсовых гномов, окруживших ее со всех сторон. Тогда у нее был муж, была надежда на семейное счастье. Теперь нет мужа. Но зато есть «талантулы», есть благотворительный фонд, есть дети, которые доверяют ей свои фантазии. Счастье, оказывается, бывает разным. Почему-то так выходило, что все счастливые периоды жизни Ирочка передвигалась исключительно боком, на манер краба.

Перед началом учебного года, в последние дни августа, родители-активисты составляли заветные списки, устраивали ночные переключки, ночевали на скамейках, и все это за право отдать ребенка в ее руки. Руки были теплые, но не резиновые. Ирочка так и объясняла родителям, почему она не может взять всех желающих: «Я же не грелка, чтобы быть теплой и резиновой одновременно». Родители кивали, но просили сделать для их чад исключение.

Не попавших к ней деток Ирочка определяла в «филиал», под опеку Оленьки, которая поступила в художественное училище и теперь смешивала краски очень разумно, вдумчиво, в точном соответствии с законами цветовой гармонии.

Прежде чем окунуть кисточку, она шурилась и задерживала дыхание, словно биатлонист на огневом рубеже. Прицеливалась. А выходило прежнее «Разноцветие», как в детстве. Но тогда по наитию и неразумности, а теперь на научной основе.

Кстати, именно так – «Разноцветие» – Ирочка назвала свой благотворительный фонд, который бурлил ежедневными заботами и пожирал все ее свободное время. К ней прибились с десяток «ненормалов», готовых лезть в холодные горные реки под сочувствующие взгляды мирно пасущейся публики. На счет фонда перечислялись пожертвования, и Изольде пришлось освоить азы бухгалтерии, потому что Ирочка наотрез отказалась передавать денежный вопрос в чужие руки. Видимо, история с Аркадием ее чему-то научила. Изольда покрывала стол счетами и банковскими выписками с таким видом, будто раскладывала пасьянс. Эта старомодная картинка привлекала Петровича, и тишину передвижной бухгалтерии частенько нарушали сначала сухие щелчки советского ФЭДа, а потом кокетливые протесты Изольды. Все улыбались, а Сан Саныч как будто случайно начинал наигрывать советский хит «Главное, ребята, сердцем не стареть», что поднимало настроение их маленького коллектива на ту высоту, где легко рождаются шуточки, понятные и смешные только среди близких.

Все шло своим чередом. Она рано открывала двери клуба и поздно, обычной последней, уходила с работы. Потому что кто ж дом надолго оставляет? А это и был ее дом. Был

детский клуб, ставший домом, где она жила, и квартира, где ночевала. Даже собаку не заводила, с ней же гулять нужно, а Ирочке некогда. Только цветы в горшках разводила, они терпеливые, на улицу не просятся.

В один дождливый сентябрьский вечер, когда пахло осенью, но еще ненавязчиво, Ирочка закрывала детский клуб. Заметила мужчину под грибком песочницы и по его обреченно затекшей спине, повернутой к ней широкой плоскостью черной куртки, поняла, что он тут давно и, скорее всего, ждет ее. По осени это случалось регулярно, многие честолюбивые родители не могли смириться с тем, что их чадо попало в «филиал», и пытались договориться о переводе в «центр». У всех ребенок был самым-самым, место которому только рядом с Ирочкой. Как же не хочется разговоры разговаривать, устала за день, как савраска. Видимо, опять пригодится фраза про грелку. Однако ускользнуть потихому Ирочке казалось нечестным. И она устало двинулась в сторону грибка. Заодно и дождик переждет.

Песок хрустнул, спина повернулась. Ирочка только успела удивиться, как она сразу не узнала эту спину, ведь за ней она шла когда-то, выглядывая сбоку или подпрыгивая вверх. Весь мир был как стена-спина и нечто вокруг, так, по мелочи. И как потом дуло сквозняком в дыру, оставшуюся после ухода этой спины. Как зябко было остаться без нее, как страшно.

– Привет.

– Привет.

Помолчали.

– А ты хорошо выглядишь.

– Ты забыл добавить: для своих лет.

Аркаша изобразил улыбку. Вроде бы хорошо разговор начинается, с шутки, но что-то не то и не так, как он себе представлял. Он ожидал увидеть скрываемую за колкостью обиду, ну или хотя бы удивление от встречи, а напоролся на равнодушие. Лучше бы Ирочка произнесла что-нибудь резкое, это бы даже потрафило его самолюбию. Будничным тон казался почти оскорбительным, словно он свою бывшую жену каждый день под этим идиотским грибком поджидает, утомил уже, приставучий. И, похоже, что ей действительно наплевать, как она выглядит в его глазах. Ну и ладно, может, это и к лучшему, тогда напрямки пойдём, без сантиментов.

– Давай поговорим.

– Давай. Про сына или дочь? – спокойно уточнила Ирочка.

Эта сухая деловитость действовала на нервы, раздражала и злила Аркадия. Словно он говорит с директором школы, для которой все папаши на одно лицо. Все это больно резануло по самолюбию Аркадия, поломало весь сценарий, который он проигрывал в голове, готовясь к встрече.

– Про сына, – отплатил он ей той же деловой монетой.

– Рисовать любит?

– Нет. Терпеть не может.

Впервые в Ирочкиных глазах прорезалось удивление.

- Тогда зачем ты его ко мне в студию привести хочешь?
- Чтобы полюбил рисовать. Ну хоть попробовал бы.
- Понятно.

Она сказала это так буднично, что остатки самообладания покинули Аркадия. А что тут понятного? Что? Ей? Понятно? Что она вообще может понимать? Она всегда жила как хотела, как юродивая улыбалась, как удобно ей одевалась, как сумасшедшая творила. И сейчас живет будто в раю. Дети же, они, как ангелы, сплошной позитив. Да еще, поди, рядом такие же блаженные коллеги, твою мать. Что она знает о настоящей жизни? О том, каково это, карабкаться вверх, когда всякие уроды о твою голову подошвы вытирают? Но вот ты наверху, а там ничего нет, пустышка. И ты сосешь ее, пуская слюни от восторга, чтобы никто не догадался об этом обмене. Лучишься счастьем, скалишься белоснежными зубами, подмигиваешь витринам, дескать, жизнь удалась. И даришь жене то, что она наманикюренным ноготком в модном журнале отчеркнула. В самом модном. Главное, изображать удовольствие от этой жизни, иначе ты банкрот, человек, у которого ничего нет. А ему, может, тоже хочется чего-то другого. Хочется жить свободно, радостно. Но нельзя расслабляться, снизу подпирают, за ноги кусают. Нельзя останавливаться, надо бежать вверх, чтобы не упасть вниз. Он, может, сыну другой жизни желает. Чтобы хоть где-то расслабиться мог. Чтоб хоть на час нырнул в краски, в глину или в ноты, да хоть в стишки паршивые, и нет его, спрятался, увольнитель-

ную от крысиных бегов получил. А сын смеется, не понимает. И он смеялся, крысоловом себя мнил. Играл на дудочке, твою мать. И ведь шли за ним крысы, еще как шли, по пятам. Шеренга крыс. Но штука в том, что у всех свои дудочки, все дудят, и все радуются, что за ними другие идут. А дудочки тех, кто впереди, не видны и не слышны в этом гвалте. Полчища крыс, мнящих себя крысоловами. Это же очуметь. В ужастике такого не увидишь. Спилберг отдыхает. А это его жизнь, единственная и неповторимая, скомканная и перемолотая правилами крысиных забегов. И так в том страшно сознаться, что даже наедине с собой в туалете пытаешься смотреться в зеркало с молодецким задором, убеждать себя, что все хорошо, правильно. Пусть хоть сын эти вонючие краски полюбит, чтобы в них другую жизнь смог разглядеть.

Ирочка не успела понять, чем вызвана столь бурная реакция Аркаши. Что она такого сказала? Почему его как будто прорвало? Он кричал и тряс ее за плечи. Втолковывал про полчища крысоловов. Про ее райскую жизнь. Про модные журналы. Про дудочки и краски. Про пустышку и крысиные бега. Про жизнь и ее обидную, щемящую одноразовость. И вроде как не ей говорил все это, потому что, выговорившись, резко замолчал, словно выдохся, и подвел итог:

– Ты все равно не поймешь. Зря я это. Прости и забудь, что я тут наговорил. У меня по большому счету все хорошо. Не надо меня жалеть, это я, наверное, от усталости психанул. Забудь. Только сына возьми, очень тебя прошу. Возьмешь?

Она молча кивнула. Как когда-то давно, когда он предложил выйти за него замуж. Самые важные решения она обозначала кивком, без слов. Ненормальная, в общем.

Помолчали. О чем говорить? Не о погоде же. Дождь не обсуждают, его слушают.

Дочь горниста

После революции детей как только не называли. Имена не просто выбирали, их придумывали. Время было такое – душа рвалась вверх, к коммунизму, к созиданию чего-то нового: новой страны, прежде невиданной, и новых имен, прежде не слыханных. Вот и ее отец не устоял. На вопрос сотрудницы ЗАГСа «Мария, значит?» дал решительный отпор: «Нет, не Мария. Маруся. Так и запишите». А когда отец говорил, его слушали. И слушались. Это она потом много раз в жизни видела.

Так и стала она Марусей, почти Марией, но с вывихом, с вечной девичьей тенью на имени. Маруся – как будто незрелая Мария. Потом, уже во взрослой жизни, она многих встречала, кого в кругу семьи Марусями звали. Но по паспорту все Мариями были. Выходило, что у них вроде как два имени. Для внутреннего пользования – Маруся, для внешнего мира – Мария. А у нее нет запасного варианта, словно отец надеялся, что весь мир станет его дочку любить и беречь, как одна большая семья. А так не бывает. Странно, неужели отец этого не понимал?

Она потом много о том думала. Имя – вещь серьезная. И отец ее был человеком совсем не легкомысленным. Почему с именем учудил? Наверное, не мог устоять перед обаянием времени. Хотелось назвать дочку как-то по-особому. Он

же всегда, как горнист, впереди шел, красивый и сильный. Рулевой их семьи, одно слово. А назвать дочку Октябриной или Сталиной не мог, что-то в душе противилось. Подхалимажем перед эпохой попахивало, а отцу это претило, он гордым был. Хотя отец о Сталине всегда с уважением говорил, особенно во времена «развенчания культа личности». И в этом был весь отец, он не любил ходить строем, критиковать сообща, ниспровергать толпой. Не хотел лаять, как по команде. Одно слово – горнист. Вроде со строем, но отдельно от всех, на шаг впереди.

Марусе три годика было, когда Сталин умер. На память о том дне в их семье остались изрисованные детскими каракулями стены, которые отец не закрашивал долгие годы. Словно это музейная ценность какая, своеобразная стена памяти. В тот мартовский день 1953 года родителям было не до Маруси, вот она и развела живопись во всю ширь, пока карандаши не затупились. Рисовать на стене куда приятнее, чем на бумаге. Глупо рисовать в альбоме самолетик, ведь ему лететь некуда. Край листка нелепо обрывает небо. Даже непонятно, как взрослые этого не понимают. А на стене – совсем другое дело: обозначенное облаками небо аж до потолка тянется, то-то радости для самолетика.

Весь день мать рыдала, отец напряженно слушал радио, соседи заходили с красными глазами и с одним и тем же вопросом «Что теперь будет?». А что будет? Хрущев будет, кукуруза, космос, ну и так, по мелочи, разные авангардисты со

своими выставками. Много чего впереди, целая «оттепель». Но тогда об этом не знали и убивались, словно наступил конец света.

На смену Сталину пришел Хрущев. Мужик он был колоритный и активный, из всех растений предпочитавший кукурузу. Народ отплатил ему звонкой монетой анекдотов. Лично у Маруси претензий к Хрущеву не было. Молодой организм благодарно отзывался на теплые и ясные дни «оттепели», как потом назовут это время. А отдельные погодные аномалии, вроде суда над Бродским, ее не касались. Маловата была, да и других поэтов в ее кругу читали – Багрицкого того же. «Так бей же по жилам, кидайся в края, бездомная молодость, ярость моя!» Это же мороз по коже, как здорово! Где Багрицкий и где Бродский? Общего у них – только первая буква в фамилии.

Словом, жить было хорошо. Отец работал на заводе инженером-технологом, мама – учительницей в школе. Поэтому отпуск у мамы всегда совпадал с ее летними каникулами. Маруся с мамой каждое лето выбирались на юг, на самое синее Черное море. Других морей она не видела и сравнивать не могла, поэтому благоговела перед синевой черноморской воды, смыкающейся с небом. Отец иногда присоединялся, но чаще его не отпускали дела. Карьера отца стремительно шла в гору, и он напоминал навьюченного ослика, плетущегося вверх по горной тропинке. Поэтому почти всегда они с мамой отдыхали одни, жалея отца и согревая его письмами

о том, как им здесь хорошо и как они скучают без него.

Хотя скучать Марусе было некогда. Все время, пока Маруся наливалась девичьей силой, округлялась и расцветала, где-то рядом непременно маячил очередной джигит комсомольского возраста. Пляжи Батуми и Сухуми располагали к любовным мечтаниям. Зной черноморского лета был благоприятной средой для учащенного сердцебиения, а морской бриз навевал предвкушение скорой и сильной любви.

Дальше мечтаний дела не шли, но увертюра дарила такие эмоции, что потом всю осень Маруся получала от джигита письма и писала в ответ. К зиме этот поток подмораживался, джигит остывал, письма текли реже, с перерывами. А весной все заканчивалось, чтобы расчистить место для новых любовных мечтаний.

Один из ее поклонников, Гарик, ухаживал особенно красиво и писал как никто нежно. У него были вкрадчивые, интеллигентные манеры, так не свойственные темпераментным жителям юга, и темные, как перезрелые вишни, глаза. В ряду прежних джигитов он занял особое место, сделав предчувствие любви особенно явственным и многообещающим. Поэтому Маруся испытала первые муки поруганных надежд, когда неожиданно письма прекратились. Совсем, ни гу-гу. Через какое-то время пришло странное письмо, где он прощался с ней, потому что у него «в семье большое горе, отца арестовали, и очень хочется любить Марусю, но сейчас нужно больше любить семью». Маруся помнила отца Гарика, ве-

селого грузина, который катал их на своей машине с портретом Сталина на лобовом стекле. На бандита он не был похож. На шпиона тоже. Из кино она знала, что бандиты грязные и грубые, а шпионы – лощеные и курят тонкие сигареты. Отец Гарика был ни то, ни другое. И курил он «Казбек», каждый раз словно чокаясь папиросой с портретом развенчанного вождя. Машина – это, конечно, целое богатство, но он же работал директором трикотажной фабрики, наверняка имел большую зарплату, что оправдывало наличие машины. Может, в папиросах дело? Все знали, что эту марку предпочитал Сталин, а он, как выяснилось после его смерти, во многом был решительно не прав. Маруся пошла к отцу с вопросом: могут ли посадить человека за то, что у него есть машина и он курит папиросы «Казбек»?

Тогда она впервые услышала слово «цеховик». Отец, тщательно подбирая слова, чтобы не сказать чего-то лишнего, объяснил ей, что на юге необъятной страны идут аресты «цеховиков», предприимчивых людей, которые производят товары для населения в обход плана.

Что такое план, Маруся знала очень хорошо. Сколько она себя помнила, о нем в их семье шли шумные разговоры. Особенно горячился папин друг Паша, который как-то очень резко отзывался о тех, кто этот план «спускает». У Маруси часто спускало колесо на велосипеде, но этот опыт не помогал понять речь дяди Паши, напротив, только все запутывал. А мама, вместо того чтобы внести ясность, просила говорить

потиху, потому что «девочка не спит». Еще Маруся знала, что план вечно «горит». Ей даже казалось, что папа работает не технологом на заводе стеклянных изделий, а пожарным, который тушит план. Вообще в детстве она думала, что есть две неизменно горящие вещи: вечный огонь у Могилы Неизвестного Солдата и вечно горящий план на папином заводе. Потом поняла, что не только на папином. Видимо, из-за этих пожаров и не удавалось построить коммунизм, о котором все мечтали.

Но так было в детстве. Наивность изживалась с помощью политинформаций в школе. Это была особая форма просветительства, выдержанная в правильном идеологическом ключе, с верным мировоззренческим уклоном. Благодаря политинформациям уже в отрочестве Маруся, как и все ее товарищи, получила общее представление о сути социалистической экономики. Она знала, что ей посчастливилось родиться в первом в мире свободном государстве. Что где-то там, далеко, где ей вряд ли когда-нибудь придется побывать, человек эксплуатирует человека. А у нас все наоборот. Потому что между «у нас» и «у них» – непреодолимая пропасть, категорическая разница. И что главным гвоздем, на котором висит «наша» экономика, гарантирующая счастье каждому советскому человеку, является план. План – сердце социалистической экономики, точнее, ее мотор, без которого все рухнет, появятся безработные, нищие, бездомные и даже те, кто не любит негров. Как в той же обреченной на загнивание

Америке. А с планом всем хорошо, а если не хорошо, то это временно, зато негров уже сейчас любят. Потому каждый, кто хочет расшатать этот гвоздь, – враг и достоин кары.

Правда, воспоминания об отце Гарика плохо совмещались с образом врага, но на то он и враг, чтобы быть коварным. Для полной ясности она снова пришла к отцу. А к кому еще? Вот и у Маяковского «крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха...» Не изобрели еще тогда всезнающего интернета, некуда было податься бедным детям, приходилось отцов слушать. Но если у Маяковского отец говорил прозрачные и ясные по смыслу вещи, то отец Маруси все только запутал.

– Пап, а его арестовали за то, что он план не выполнил?

– Нет, доча, думаю, что план он как раз выполнял все эти годы. Иначе бы его давно сняли.

– Тогда за что его могли арестовать?

– Он кроме плана, видимо, что-то еще делал.

– Вредительское?

– Это как сказать. Для государства, может, и вредительское... Кофточки разные, гамаши, чулки. Не знаю, что там на трикотажной фабрике делать можно.

– Но ведь кофточки стране нужны!

– Кофточки тебе с мамой нужны, тете Розе нужны, а стране не знаю. Я уже вообще ничего не знаю.

Марусе стало жалко отца и неловко, стыдно от этого разговора. Как будто она заставила его признаться в своей немо-

щи. Как будто он уже не горнист, идущий впереди, а хромающий калека, замыкающий строй.

А еще она подумала, как все запутано в этом мире. Арестовали бы отца Гарика раньше, при Сталине, – вопросов бы не было. И Хрущев бы его сейчас пожалел как жертву «культы личности». Но арестовали-то под ласковым солнцем «оттепели». Как будто вылезли подснежники на зов первых весенних лучей, а по ним морозы ударили.

* * *

Хрущева подсадили в 1964 году. Народ ничего не понял, но принял к сведению, что теперь в стране главным стал Брежнев, густобровый красавец без признаков облысения. Учитывая, что у Хрущева голова была гладкой, как колено, эта рокировка многим даже понравилась. Все-таки волосы красят мужчину.

В тот год Марусе пришло время вступать в комсомол. Это создало для нее чисто техническую проблему. Было не очень понятно, что Хрущев делал правильно, а что – не очень. Кукурузу, царицу полей, прогнали с престола, это понятно. Но с остальным наследием Хрущева как быть? С теми же авангардистами? Все-таки давить их бульдозерами или пусть живут, мазню свою рисуют? Старшие товарищи медлили с разъяснениями. Маруся мучилась этими вопросами не потому, чтобы была особенно любознательной в общественном

смысле. Дело в том, что при приеме в ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи – устраивали что-то вроде экзамена, проверяли идейную зрелость. Но пронесло, Марусе вопрос о политической роли Хрущева не задали. Наверное, сами проверяющие еще не знали правильного ответа, согласованного и утвержденного в высших кабинетах.

Отец все чаще приходил с работы расстроенный и какой-то сникший, и они подолгу разговаривали с мамой на кухне. Дверь закрывали, но это была простая фанерка с врезанным матовым стеклом. Звук получался приглушенный, и от этого Маруся начинала невольно прислушиваться. Сначала раздавался возбужденный голос отца: «Им вообще ничего не надо. Отчитались для галочки, и все. Ты бы видела это убожество, которое мы выпускаем. Десять лет одно и то же штампуем. Да из этого сырья можно столько добра сделать. Добра! Ты понимаешь? Чтобы люди из красивой посуды ели». Его прерывали мамины причитания «Я тебя умоляю! Это же статья...»

Потом в их доме все чаще стал появляться дядя Паша, друг отца со студенческих времен. Они закрывались на кухне и говорили так тихо, что даже фанерная дверь не давала возможности услышать их секреты. Когда возвращалась с работы мама, друзья уходили «перекурить» во двор, хотя отец не курил. Паша явно стал горячей точкой в отношениях родителей. Марусе дядя Паша нравился, он был завод-

ной, шумный, какой-то повышенно активный. Поэтому она не очень понимала мамино беспокойство, которое сквозило в вопросе «Паша не приходил?» Возвращение мамы с работы стало протекать по одному и тому же сценарию: открывается дверь, и вместо «здрасьте» это дурацкое: «Паша не приходил?». И мамина нескрываемая радость, если нет, не приходил. Мама явно недолюбливала Пашу. Вообще в доме появился привкус какой-то нервозности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.